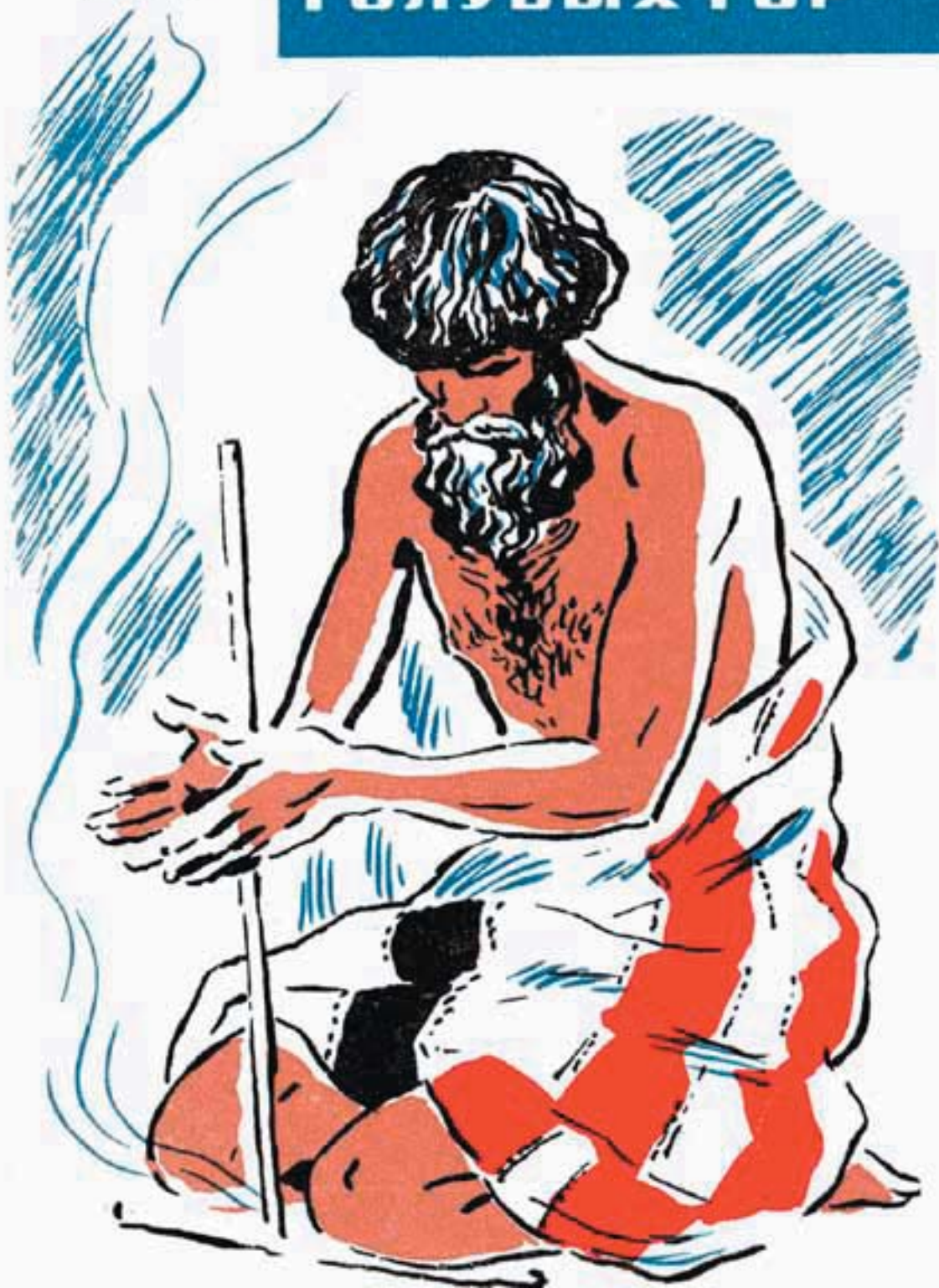

Л. В. ШАПОШНИКОВА

ТАЙНА ПЛЕМЕНИ ГОЛУБЫХ ГОР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Л. В. Шапошникова

тайна
племени
голубых
гор

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1969

Ответственный редактор

А. М. Дьяков

Шапошникова Л. В.

Ш24 Тайна племени Голубых гор. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968.

317 с. с илл. (Серия «Путешествия по странам Востока»)

Племя тода, которому посвящена книга, одно из интересных и изолированных племен Индии. Автор наблюдал жизнь племени в течение нескольких месяцев. В первой части книги автор описывает традиции, обычаи и некоторые церемонии тода, рассказывает их легенды и предания. Во второй части на основе значительного исторического и археологического материала рассматривается проблема происхождения тода.

1-6-2

902 · 7 + 91 (И5)

104-69

стоило бы покончить с некоторыми неясностями, неверными слухами и неправильными толкованиями, которые, к сожалению, пробили себе путь на страницы опубликованных работ и окутывают племя тогда туманом ложной и преувеличенной загадочности.

мадам Блаватская и голубые горы кромлехи шолура

В том, что я потеряла целый день, перемазалась с ног до головы и поругалась с Шармой, была виновата мадам Блаватская. Да, не удивляйтесь. Та самая Елена Петровна Блаватская, которая вместе с полковником Олкоттом основала теософское общество и которой при ее жизни сопутствовала слава женщины, наделенной необычной, «потусторонней» силой. Но не подумайте, что ее призрак возник на пороге мрачного полутемного подвала, провел меня по его шатким ступеням и, издеваясь, кружил целый день между каменными изваяниями древних богов, среди погребальных ури, саркофагов и пропыленных черепов — немых свидетелей веков, давно ушедших в прошлое. Должна сразу сказать, что призрака не было, а вот подвал был. Началом этой истории, по-видимому, надо считать тот день, когда мадам Блаватской пришла счастливая мысль посетить Голубые горы. Это случилось в конце прошлого столетия. Продолжение же истории последовало много позже, уже в нашем веке, когда в библиотеке теософского общества в Мадрасе я наткнулась на книгу Блаватской «Загадочные племена на „Голубых горах“ в джунглях Индии». Завершилось же все в описанном выше мрачном подвале, где находились запасники Мадрасского государственного музея.

Елена Петровна Блаватская, надо отдать ей справедливость, была смелой и отважной женщиной. В то время в Утакаманд еще не ходил Голубой экспресс, и ей пришлось добираться до города на ненадежной тонге, которая тряслась много часов по неудобной горной дороге, окруженной джунглями. В Ниягири Блаватскую, как и каждого любознательного приезжего, заинтересовали местные племена. Но основательница мистической теософской школы Елена Петровна в первую очередь обратила внимание на то, что называют у нас первобытной магией и колдовством. Ряд фактов, связанных с этой стороной жизни тогда и курумба, которые сообщила она в своей книге, вряд ли стоит подвергать сомнению. Что же касается объяснения их странной и необычной природы, то это можно оставить на совести автора.

Но дело, конечно, не в черной и белой магии. Блаватская пыталась дать картину истории и происхождения племени

года. Обладая незаурядной фантазией и явной склонностью к преувеличениям, эта способная журналистка, мягко выражаясь, допустила ряд неточностей. Вероятно, все эти «неточности» были подчинены какому-то ее замыслу, связанному с таинствами мистики и непонятому мною. «Касательно самих гробниц, — читала я, сидя в прохладном зале библиотеки теософского общества, — кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни сказать, ни даже предположить». Слова звучали загадочно, туманно и даже притягательно. «Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдры, треугольники, пяти-, шести- и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах?»*.

— Стоп, мадам Блаватская! — сказала я. — Конечно, каждое учение имеет свою точку зрения на историю и действительность. Но нельзя же искажать все до такой степени. Почему бронзовые вазы и железные наковечники, найденные в погребениях тогда, надо превращать в каменные и костяные геометрические фигуры?

К тому времени я уже хорошо знала коллекцию глиняных статуэток. На недостаток воображения я никогда не жаловалась, но при всем этом я не могла найти среди фигурок овец, лошадей, верблюдов, петухов и павлинов «бараньих и ослиных голов на птичьих телах». Все это меня сразу настроило на скептический лад. Но тем не менее я все-таки попала на удочку. Потому что на этой удочке была великолепная приманка.

«Были вырыты, — недрогнувшей рукой писала знаменитая теософка, — каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находят на обелисках Паланки и Мексики»**. И еще: «У тодов есть положительно нечто вроде писем, какие-то знаки в роде гноздебобразных записей у древних персов»***. Утверждения явно противоречили друг другу. Иероглифы — это одно, а клинопись — совсем другое. Это понятно даже непосвященному. И все-таки где-то внутри начался странный диалог.

— Блаватская фантазирует, — сказал благоразумный человек, знавший проблему.

— А если нет? — ответил другой, легковерный и склонный к авантюрам.

— Но ведь всем ясно, что в разделе ее книги о раскопках нет и слова правды, — возражал первый.

* Е. П. Блаватская, Загадочные племена на «Голубых горах» в джунглях Индии, СПб., 1898, стр. 26.

** Там же.

*** Там же, стр. 53.

— Может быть и так. Ну, а если сказанное о письменах неожиданно окажется правдой, что тогда? — подзадоривал второй.

Оба человека преириались долго. Но легковерный авантюрист одержал победу. Я немедленно покинула библиотеку и со скоростью, на которую только был способен городской транспорт Мадраса, устремилась в музей к Шарме. Если действительно что-то и было обнаружено, он-то об этом должен знать.

Но Шарма только руками развел.

— Письмена? Иероглифы? Клинопись? Никогда не слышал. Откуда у вас эти сведения?

— Прочла у Блаватской.

Шарма впал в задумчивость. Надо сказать, что с некоторых пор я заметила у него склонность к теософскому обществу. Трудно сказать, что было тому виной: то ли само учение, то ли некоторые его представители.

— Значит, у Блаватской написано? — серьезно переспросил Шарма.

— Да!

Вот тогда-то мы оба и спустились в этот зловещный подвал запасника. Шарма сказал мне, что если и есть что-то, то это должно быть там. А если этого там нет, тогда вообще ничего нет. Я не буду описывать подробностей этих поисков. Они неинтересны. Можно сказать только, что мы несколько раз рисковали быть погребенными под навалами древних реликвий. И если не считать отдаленной плитой со старогамильскими надписями ноги Шармы и моего лба, расплюсченного о выпяченный каменный живот бога мудрости Галешы, все обошлось благополучно. Из душного, грязного подвала мы вылезли только к концу дня, голодные, злые и замазанные. Мы не смотрели друг на друга. Шарма, конечно, не мог удержаться от замечания.

— Вы поверили ей, — ехидно щурясь, начал он, — потому что она ваша соотечественница!

— А вы поверили ей, даже не будучи ее соотечественником! — выпалила я.

— Может быть, я ей и не поверил, но из уважения к вам показал, что у нас есть, — защищался Шарма.

— Я ей тоже не поверила, но решила проверить.

Наш разговор принимал явно немирный характер. Теперь я поняла, что клинопись и иероглифы были из того же «запасника» Блаватской, что и восьмиугольники, додекаэдры и ослиные головы на птичьих телах.

Позже, в Нилгири, я видела немало плоских каменных плит, прикрывающих погребения тогда. Ни на одной из них никаких знаков или чего-либо, напоминающего их, не оказалось.

А однажды, глянув на Кейри-хилл — гору, расположен-